

Вопрос: Добрый день! Прежде, чем мы начнем разговаривать, представьтесь, пожалуйста.

Ответ: Я – Сейдаметов Едем Смаилович.

Вопрос: Когда Вы родились?

Ответ: 1929 года, 7 ноября.

Вопрос: Где Вы родились?

Ответ: Город Симферополь, по улице Клары Цеткина, 10.

Вопрос: Мы будем сейчас разговаривать про оккупацию во время Второй Мировой войны и про отношение немцев к мирному населению. Вы в годы оккупации находились на оккупированной территории?

Ответ: В этом же дворе.

Вопрос: В этом же городе?

Ответ: Да.

Вопрос: Я Вас прошу рассказать все, что Вы видели своими глазами.

Ответ: В этом дворе много жили еврейские семья. Я могу назвать ихние имена: дядя Гриша, тетя Роза, сын у них был Гриша; дядя Моисей, тятя Маша Бролевские, у них Рая была дочка; потом Ханакай, Хаяли, Гальперины. У них были дети, мы с ними росли, ходили в школу, игрались до войны. Во время войны в Крым пришли немцы. Немцы начали записывать все еврейские семьи Крыма, цыган, делать регистрацию в бирже труда. Это по улице Советской находилось. Они потом начали прикреплять им на левую сторону шестиконечные белые звезды и на заднее правое плечо. Шестиконечная звезда у каждого еврея - от малого до большого. По всему городу они ходили с этими звездами. После мы во дворе - я, мама, брат - наша вся семья, жили когда вместе с ними, построили во дворе печь, где пекли мы пироги, хлеб, булки. Для чего мы это делали? Потому что объявили этим евреям, которых регистрировали, сказали, что их повезут в Палестину. И каждому приготовили от малого до большого вещмешочек: кружку, чашку, ложку, зубную щетку, порошок, полотенце и на три дня еды. И это все мы упаковывали этим детям, этим взрослым людям. Потом в один прекрасный день приехали закрытые черные машины - немцы с засученными рукавами, каски были натянуты, все с автоматами. Погрузили их всех и увезли этих евреев с нашего двора. И так по всей улице, по всему Симферополю начали это делать. Мы, ребята, бегали, смотрели, все это своими глазами видели. Потом проходит день, проходит два - мы слышим автоматные очереди. Думаем: «Что происходит?» Побегали с ребятами...вот где сейчас у нас находится телевышка, это называлось Надскальная пропасть, где в сторону Марьино были выкопаны окопы противотанковые в начале войны. Когда война началась, туда городской горком партии...все учащиеся, вся организации были выведены туда с июня по октябрь месяц копали эти окопы противотанковые. Это сейчас находится на поселке Марьино, от автозаправки Черномор и до скалы, где виднеется Петровская Балка. Мы с ребятами побегали к этому скальному сбросу, потому что туда близко подойти нельзя было. У одного мальчика отец был военный, он ему оставил военный бинокль. Мы с этого бинокля смотрели. Вот те машины, которые грузили евреев, и привозили туда. Их сразу высаживали, раздевали наголо, отрезали у женщин волосы, складывали в мешки. С голых людей снимали серьги, кольца, кулоны, и даже золотые зубы вырывали! Мы через бинокль это все

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

офицер командует: «Фое!» Это «огонь» по-немецки. И они расстреливают над пропастью этого выкопанного окопа. И люди падают туда, в пропасть. Потом подъезжает вторая машина. Оттуда выходят люди. Эти вещи, которые они разделись, они их складывают в мешки и грузят в ту машину. Потом сами начинают раздеваться. И так продолжалось несколько дней, пока они всех евреев не перестреляли. Цыган наших, татарских, расстреливали, караимов, крымчаков расстреливали. Потом наши муллы, муфты пошли к коменданту города и сказали: «Караимы, крымчаки – это мусульманские люди. Они – вероисповедания ислама. И цыгане». Тогда немцы прекратили расстрел цыган, караимов и крымчаков. А евреев продолжали расстреливать. После этого всего, кто остался в городе, если он не пришел на биржу труда, их ловили и вешали на каждом столбе. Даже вот по улице Севастопольской и угол – сейчас это Крылова, а тогда это была улица Субхи. На улице Севастопольской и угол Субхи стояли металлические столбы для трамвайных линий (тогда трамваи ходили). И на этом стальном столбе повесили еврея, потому что он не пришел на биржу труда. Потом одного цыгана поймали. Он витрину ювелирного магазина забрал. Он разбил окно, забрал все на этой витрине: цепочки, кулоны, кольца, серьги. Тут его жандармерия поймала. Мы с пацанами бегаем и все это видим. Нас человек 5-6 было, каждый день мы ходили по городу. Но ходить можно было только до шести вечера, после шести уже никто не имел права ходить. И повели этого парня по улице Кантарной, это сейчас улица Чехова. И мы за ними пошли. Там был Подгорный переулок – тогда он назывался Кривой переулок. И он там жил. Выгнали всех жителей этого переулочка на эту улицу Кантарную. Напротив трамвайной остановки было дерево акация. Закинули аркан на шею этого парня. Они его вздернули. И большую доску повесили, все это украденное золото на него. И написали по-русски и по-немецки: «Повешен за ограбление ювелирного магазина». Он там 15 дней висел! И никто не подходил, никто не трогал это золото! Все боялись! Вот так они издевались над людьми, которые воровали, потом евреями, цыганами, караимами. Но, что было характерно. Когда Севастополь еще не был взят ... девять месяцев он бился за Севастополь, где-то в конце августа или начале сентября они его взяли ... после девяти месяцев занятия Симферополя они взяли Севастополь. И отсюда гнали пешком военнопленных. Пешком! Восемь человек в ряду было. Мы выходили на улицу Севастопольскую и кидали им папиросы «Прибой» или кусочек хлеба. Но охрана с собаками шли, нас отгоняли. Их тогда увели...сейчас это место называется совхоз Дзержинского. А тогда это называлось Красный совхоз. Огорожено было вырытой канавой и залитой водой, где-то приблизительно, вот как площадь примерно как площадь села Марьино, большого села. Четыре ряда проволоки было натянуто с одной стороны этой канавы, и четыре ряда проволоки было с правой стороны. На вышках охранников не было. У ворот была жандармерия и полевая, и городская. У них называлась отдельно «городская» - эсэсовская, а полевая была жандармерия в другой одежде. Они охраняли этих военнопленных под открытым небом. Там все нации были: казахи, узбеки, армяне, грузины, русские, хохлы, татары – кого только там не было! Кто был в армии – все они попали с Севастополя туда, их привели туда в плен. Теперь, каждое утро в углу складывают мертвецов ряд и ряд бревен. Потом приезжает зондер-команда, они жгли этих трупов. Почему это я говорю? Потому что мы с мамой, с сестрой через день ходили туда. Потому что каждый раз приходили новые военнопленные. Мы искали зятей своих, мы искали дядиных сыновей, мы искали тетиних сыновей и своих братьев. А там кричишь, говоришь: «Такой есть?» - «Нету!» Вот тут мы это все своими глазами видели, как это происходило. Но что приносили? Кто вареную картошку, кто лапшу, кто хлеб. У немцев были поставлены три больших чана: сухое складывали в один чан, мокрое выливали в другой чан, овощи-фрукты кидали в другой чан. И вот в каждый чан становились в очередь военнопленные, раненые, кровью облитые, обросшие, грязные. В подол шинеля им накладывали черпаком эту лапшу или картошку. Или он снимал свою пилотку и ему туда наливали. Вот так их кормили обедом, который люди приносили туда. Они сами их не кормили.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Потом что происходило. Через несколько дней – мы это видим – накрываются столы большими простынями, накладывается первое, второе и выпивка, и по-русски, по-армянски, по-грузински, по-

молдавски, по-хохлацки, по-татарски, на узбекском, киргизском языке говорит радио: «Бывшие солдаты и офицеры Советской Армии! Германское правительство Вам прощает!» Выходите, умойтесь, побойтесь, переоденьтесь, сядьте, покушайте!» Но этот бедный военнопленный лежит в грязи, под дождем, под снегом. Он видит: там ему утром в углу гореть или выходить. Так вот он выбирает - выходит сюда. Его бреют, моют, передевают. Он садится, быстро кушает. Потом ему: «Распишитесь – Вы уже доброволец!» Вот так он принимал в добровольцы. Ну, потом по улице Крылова (сейчас там дом стоит под № 60) была татарская школа. Они там организовали вот эти добровольческие батальоны всех наций. Там некоторые ребята были пошустрее. Когда им в руки дали оружие, они в один день собрались все, сколько их там было, и они все ушли в партизаны! После этого немец не стал давать добровольцам оружие. Они ходили по городу с лопатками, с метелками, подметали улицы, чистили дворы, чистили мусор – вот этим делом занимались добровольцы всех наций.

Теперь, что еще характерно у немцев было: они любили порядок чистоты, они любили порядок без воровства. На рынке они могли любого пацана застрелить хоть за один арбуз или за одно яблоко! Это при наших глазах, мы это все видели! Вытаскивал пистолет и бабах! Любого убьет, который с подводы тащит арбуз! А потом дунет и кладет себе в кобуру этот пистолет. Рынок тогда был, где сейчас парк Трынева. Этого Совета Министров не было, памятника Ленина не было, который сейчас в Симферополе находится. Был этот рынок. Туда со всех сел съезжались люди и продавали свою продукцию. Народ ходил и покупал, у кого что было. Правда, хочу что заметить: немецкие марки ходили и тогда были советские деньги - красные тридцатки, черные десятки, черные сотни, зеленые тройки были, коричневые рубли были, светло-голубые были пятерки. Это все ходило вместе с немецкими деньгами. Только немецкая марка одна считалась, а советские десять рублей считались. Если Вы ходили покупать, что-то на рынке стоило одну марку, значит, вы выдавали десять рублей. Где сейчас на улице Самохища есть мебельный магазин, это была большая республиканская мельница. Там были большие запасы хлебопродуктов: неперемолонных пшеницы и ячменя, и была перемолонная мука. Когда уходила Советская власть, они облили ее керосином, но не смогли поджечь. Ушли. Когда немец пришел, вот этим керосиновым хлебом весь город кормили. И мы кушали этот хлеб. А кто был в добровольцах, у них были специальные книжечки. Они ходили в другой магазин (у них отдельные магазины были), они кушали белый хлеб, колбасу, масло. А простой народ, который не в добровольческих семьях, не в полициях, они кушали черный хлеб: и русские, и хохлы, и татары, и армяне.

Вот так проходила наша жизнь до 1944 года, до апреля месяца. 13 апреля город освободили. Мы сидели ждали с таким намерением, что Советская власть пришла, слава Богу, мы освободились от оккупации. Советская власть пришла, и не прошло месяца, как в 1944 году, 18 мая, в два часа ночи начали выселение крымских татар. В том числе и наша семья пострадала: мама, я, две сестры. Сестра с двумя ребенками, она говорит: «У меня муж в армии!» Ей говорят: «Его там уже нет!» «Собирай, татарва!» Двадцать минут нам дали. Мы ничего не смогли взять! Мама только взяла Коран свой, а сестра взяла швейную машину. И в два часа ночи нас погрузили в машину и увезли. Вот есть дорога на Евпаторию, на Джанкой – это станция Остряково. Тогда это считался Сарабус. Там погрузили нас в вагоны. По 120 человек в пульманские вагоны заталкивали стариков, женщин, детей! Мы, дети, залезли на верхние нары, а старики - мужчины в одну сторону под нары, женщины в другую сторону под нары. И когда нас везли до Узбекистана, мы не знали, куда нас везут.

Вопрос: У меня есть несколько вопросов. Вы говорили, что у евреев были желтые звезды. Вы сами видели евреев с этими звездами?

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Ответ: Да. По городу ходили евреи с этими звездочками. Не желтыми, а белыми звездами. Белые звездочки на левой стороне шестиконечные, и на задней правой лопатке. У каждого: от малого - до большого.

Вопрос: Откуда Вы знаете, о Палестине. Кто это говорил Вам лично?

Ответ: Евреи, которые пришли с биржи труда после этих звезд. Они начали нам говорить, что «мы должны готовиться на дальний путь. Сказали нам приготовить полотенца, ложку, кружку, чашку, зубную щетку и на три дня еды». Они сказали, что там им объявили, что их повезут в Палестину. Это мы слышали от своих соседей. Тогда мы начали им готовить.

Вопрос: Как они собирались?

Ответ: Они не очень радостно собирались. Многие не верили этим разговорам в бирже труда. Вот дядя Моисей грамотный был дядька, Грайлевский был, и Ханакай была уже в годах женщина. Она говорила: «Это обман! Это не может быть! Он нас туда не повезет!» Так они говорили. Но мы все-таки успокаивали их: «Ну, нет, что вы, это же государство. Как можно...Давайте готовиться». И мы готовили пироги, готовили сумки, одевали их, приготавливали вот эти вещмешки. И каждому одевали. Делали такие вещмешочки ребенку, взрослому. И каждому клали туда еду на три дня.

Вопрос: Они уходили со двора сами или их гнал кто-то?

Ответ: Приходили полицаи в эсэсовской форме. Рукава засученные, каска натянута и автомат в руках. Машина на улице. Они выгоняли по два-три человека, сажали в машину и так увозили.

Вопрос: Полицаи или немцы?

Ответ: Немцы, эсэсовцы. На эту процедуру они ни полицай, ни добровольца не брали. Только эсэсовская армия была.

Вопрос: Это на Ваших глазах?

Ответ: Да. Их выводили и грузили в закрытую тентом машину.

Вопрос: Эта погрузка шла мирно, тихо, или их заставляли, гоняли?

Ответ: Очень культурно, очень аккуратно, даже детей подсаживали, который ребенок не мог залезть.

Вопрос: Все на Ваших глазах?

Ответ: Да.

Вопрос: Евреи ушли, освободились их квартиры. Кто-нибудь туда заходил?

Ответ: Сразу после того, как они ушли, немцы привезли сюда солдат. Поселили солдат в эти дома.

Вопрос: Вы не наблюдали, чтоб выносились какие-то вещи оттуда?

Ответ: Никто ничего не выносил. Там как было, заходили туда солдаты и жили.

Вопрос: Немецкие солдаты?

Ответ: Да, немецкие солдаты. Привезли батальон солдат, и они жили в нашем дворе в еврейских

The following transcription is a result of a computerized transcription process. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: То есть, они стали Вашими соседями во дворе?

Ответ: Да, они уже стали хозяева!

Вопрос: И так всю войну продолжалось?

Ответ: Всю войну они там и жили. Они уезжали в Севастополь воевать, а через десять дней они возвращались. Переодевались. Вместо них уезжали другие. Потом кто остался живой, шел гулять в город.

Вопрос: Когда евреев увозили, Вы, Ваши соседи наблюдали. Какое было отношение?

Ответ: Нам очень было больно. Мы переживали, мы плакали. Думаем: «Господи, они же..» А мама еще говорит: «Не надо плакать, не надо их расстраивать. Может, их действительно увезут». Но потом, когда мы увидели вот эти расстрелы, я приходил домой и дома рассказывал. Я говорил: «Мама, ты понимаешь, их расстреляли!» Она говорит: «Не может быть!» Я говорю: «Я видел в бинокль!» Мама начала плакать и начала молиться: «Пусть земля им будет пухом!» Мама у нас всегда Коран читала. Отца у нас забрали в 1937 году, потому что он был служитель мечети.

Вопрос: Вы были религиозная семья?

Ответ: Да. Деда забрали, и зятя отца забрали.

Вопрос: Как Вы попали на место расстрела евреев?

Ответ: Мы на место расстрела не могли попасть.

Вопрос: На то место, откуда Вы его видели?

Ответ: Наша улица недалеко от Малофонтанной, а сейчас это считается 8 Марта улица, где телевышка стоит. А от той телевышки до нашего дома квартала два или три. Все это мы слышали!

Вопрос: Ну сколько это примерно метров?

Ответ: Ну, с полкилометра будет. И мы слышали выстрелы автоматных очередей. Мы же пацаны, бегаем, играем в футбол, на самокатах катаемся. Потом мы побежали туда, где телевышка. Потом пришли сюда. Тогда там не было вот этих высотных зданий. Мы легли на край этих скал там. Издалека нам видно было очень мелко. Потом у пацана был бинокль, и мы через бинокль смотрели по очереди.

Вопрос: Я хочу уточнить, какое было расстояние от Вас до того места?

Ответ: Это было порядочно. Это было расстояние целого квартала. Наверное, остановки три автобусные.

Вопрос: А в метрах?

Ответ: Не знаю, может, метров 300-400 или 500.

Вопрос: Этот бинокль был сильный?

Ответ: Военный бинокль.

The following is a transcript of the interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Ответ: А как же! Мы же видели, как снимали кулоны, как снимали кольца, как снимали серьги немцы, как отрезали женщинам волосы!

Вопрос: Вы сказали, что там расстреливали не только евреев, но и цыган.

Ответ: Да, татарских цыган.

Вопрос: А как Вы отличали еврея от цыгана?

Ответ: Цыган весь черный, как негр.

Вопрос: То есть, по внешнему облику?

Ответ: По внешнему виду. И одеяние у них такое цыганское. Поэтому и определяли.

Вопрос: А караимов, крымчаков?

Ответ: А караимов, крымчаков они тоже считали как евреев. А когда муфтиат пошел сказал, что они ходят в мечеть, они молятся, они исламского исповедания, тогда караимов, крымчаков и цыган перестали расстреливать.

Вопрос: Теперь подробности. Вы говорите, что их раздевали. Вы сами видели этот процесс раздевания?

Ответ: В бинокль все видно было.

Вопрос: Они раздевались спокойно или сопротивлялись?

Ответ: Сопротивлялись!

Вопрос: Как сопротивлялись?

Ответ: Там же стояли с оружием немцы! Они прикладом прикладывали, если он не раздевался!

Вопрос: Вы видели эти удары прикладами?

Ответ: Да!

Вопрос: А слышны были Вам какие-то крики?

Ответ: Нет, в такую даль не слышно было. И расстрел мы уже видели, когда они стали ... Он орал, кричал: «Фоя!» Когда он кричал: «Фоя!», это все было слышно. Кричал и махал рукой. Рукой когда машет, все эти люди, которые стояли... этот отряд расстреливал людей на краю этого окопа.

Вопрос: Это был немецкий отряд?

Ответ: Да, в эсэсовской форме: в черных касках, рукава засученные.

Вопрос: Такие же, как забирали их?

Ответ: Да, которые грузили. Это те же самые солдаты, которые грузили и привезли.

Вопрос: А вокруг это место охранялось?

Ответ: Туда, конечно, никто не подходил.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Кто охранял?

Ответ: Они же.

Вопрос: Полицаев н было?

Ответ: Нет. Они в эту процедуру не вмешивали ни добровольцев, ни полицаев. Это только занималась ээсовская группа! На касках, на петлицах были начерканные две «СС»

Вопрос: И все вот эти процедуры со стрижкой, с отбором ценностей, с зубами - это тоже все делали вот эти люди?

Ответ: Да, из этой группы «СС». Один ходит, держит мешочек, срывает и кидает.

Вопрос: Куда потом этот мешочек?

Ответ: Куда? Офицеру, наверное, отдают. Это ж солдаты делали.

Вопрос: Стрижка волос. Кто стриг?

Ответ: Они же, немцы.

Вопрос: Человек в форме?

Ответ: Да! Брали такие большие ножницы.

Вопрос: Куда их собирали?

Ответ: В мешок. И в машину грузили вместе с одеждой. Это потом привозили на улицу Карла Маркса. Это угол Карла Маркса и Пушкинской. Сейчас там написано «Престиж». Туда забили все эти тюки.

Вопрос: Вы сами их там видели?

Ответ: Да, мы ходили по городу, смотрели, куда их привезли. Туда они загрузили все эти вещи: обувь, одежду и волосы. А потом перегружали и везли на вокзал, увозили в Германию.

Вопрос: Но Вы сказали, что евреи, новая партия когда заходила, сами закидывали.

Ответ: Они сами брали мешки, грузили, кидали на машину.

Вопрос: Это они кидали? И эти волосы они тоже кидали?

Ответ: Да. Потому что немец уже отрезал, положил, завязал. А эти люди должны были на машину грузить. Одетые. А потом они сами начинали раздеваться.

Вопрос: Какими группами расстреливали?

Ответ: Сколько в машине привезут: 20 или 30 человек. Вот их всех ставят и расстреливают.

Вопрос: Сразу всех вместе?

Ответ: Да, всех вместе. Женщины, дети – никого не различали. Всех вместе из этой машины разгружали, раздевали, расстреливали. Потом вторую машину подгоняли.

Вопрос: Зубы выдергивал тоже немец?

Ответ: Да. Плоскогубцы у них в руках были.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Там ничего не объявляли?

Ответ: Никто ничего не объявлял. Только цыгану объявили, что он украл витрину магазина.

Вопрос: Вам известны случаи бегства или прятания евреев?

Ответ: Это после третьего дня расстрела несколько улиц ...мы слышали уже по радио...радио говорило на русском языке, и на татарском, и на армянском, на грузинском – на всех языках радио говорило: «Кто из еврейской семьи возьмет спрячет, та вся семья будет расстреляна так же, как евреи». Были некоторые случаи, мы слышали: между народом же идет такой «цыганский телефон». Что вот там на Малофонтанной, там на Кантарной улице кто-то взял ребенка пожалел, спрятал еврея. И эту семью расстреляли. Так говорили. Это после всех расстрелов евреев, потом они ходили по домам искали, у кого спрятан еврейский ребенок.

Вопрос: Вы видели, как искали? При Вас приходил кто-нибудь?

Ответ: При нас приходили, но у нас во дворе уже никакого еврея не было – уже одни только солдаты жили. А мы тех людей слышали, которые жили на Кантарной, потому что на Кантарной мы часто ходили – там трамвайная остановка была. Там, на этой остановке, когда стоишь, ждешь трамвая, и там люди разговаривают. Говорят: «Вот вчера с этого двора семью забрали. Они оставили ребенка еврейского – их расстреляли».

Вопрос: Но Вы подобные казни за укрывательство не видели?

Ответ: Нет, только слышали.

Вопрос: Теперь вопросы по поводу военнопленных. Складирование и сожжение трупов Вы сами наблюдали?

Ответ: Когда мы приносили еду к этому огороженному забору, там стояли много людей. И стояли эти жандармерия полевые. Они принимали у нас еду и кидали в эти чаны. И в это время мы видим: там далеко в углу складывание идет. Это тоже солдаты выполняли: брали за руки-за ноги и складывали.

Вопрос: Это было на Ваших глазах?

Ответ: Да. Я еще вот что хочу сказать. В «Правда Востока» в Ташкенте, Громыко, когда был в Верховном Совете, он написал статью, что крымские татары там сделали крематорию. Это же ложь, сплошная ложь! Когда там, в эту зону, кроме зондер-команды, никто не имел права зайти. Какие там могут быть крымские татары! Там ни одного полицая не пускали! Они только сами это выполняли. А те, которые жгли, у них на спинах были бачки и такие длинные прутья – огнеметы у них были. Вот как дерево качаете поливать, вот такой поливалкой они поливали и жгли вот эти трупы. Это мы своими глазами видели, когда мы приходили, приносили кушать этим пленным. Ну, мы ходили через день – через два с мамой и с сестрой. Мы идем туда искать своих!

Вопрос: Ту еду, которую Вы и другие люди приносили, кто ее раздавал?

Ответ: Немцы. Стояли на раздаче, черпаком черпал жидкость и раздавал. Как у пленного не было посуды – он может в шинель налить или в пилотку налить. Или ушанка была у него – туда наливал.

Потому что уже дело шло к осени, дождь шел. Это было уже, по-моему, сентябрь-октябрь. Потому

что они сюда пришли 25 ноября. Читайте: декабрь, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август – в августе только Савастополь взяли. После августа они начали военнопленных сгнать сюда. The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Потому что туда сошлось со всего Крыма: с Перекопа, с Керчи, с Феодосии, с Алушты, с Ялты, с Евпатории – все армии туда пошли, и они там все попали в плен.

Вопрос: Вы сказали, что часть добровольцев, набранных из военнопленных, получив оружие, убежали к партизанам. Вы наблюдали этот уход? Откуда Вы это знаете?

Ответ: Потому что от нас через квартал эта татарская школа была. И там сказали соседи, которые там рядом живут: «Сегодня ночью добровольцы все ушли!» Говорят, что в лес ушли.

Вопрос: Но Вы этот уход сами не наблюдали?

Ответ: Нет, но соседи, которые там рядом с этим домом... Это был добровольческий батальон. Там не только татары – там со всех наций были добровольцы. Видите, каким обманным путем: он накрывает на столы, кладет первое, второе, шнабс; в бане полевой выкупается, поброют его, оденут на него немецкую форму. Потом он кушает. Потом, когда выходит: распишитесь, Вы уже доброволец! Вот таким путем он записывал в добровольцы, в полицаи. Не только татары там были – там были все нации!

Вопрос: По поводу жизни в оккупации. Вы рассказали про керосиновый хлеб. Вы сказали, что, когда Вы ели этот хлеб, то из него можно было выжимать керосин. Залили-то керосином зерно. Мог ли этот керосин сохраниться при выпечке?

Ответ: Тесто, которое делали, все черное было. Я ходил, покупал этот хлеб. Мама корку отрывала. Вот эту среднюю часть, тесто, она отлепит и кладет на сковородку, и жарит ее. Вот так мы ее кушали. Тесто было мокрое, неспелое, неспеченое. А корка – она была уже затверденная, черная, сгоревшая. Мама ее снимала, а внутреннюю часть мешала с отрубями, на печке подогривала, и так мы ее кушали.

Вопрос: Не встречался ли Вам кто-нибудь, сбежавший с расстрела?

Ответ: Вот у мамы была одна цыганка. Она приходила к нам с маленькой внучкой через день-через два. Она попрошайничала. Но мама ей всегда давала кусочек хлеба или одну картошку, или луковицу. У нас тоже семья большая была – мало продуктов было. Так вот, одно утро после этого расстрела прибегает эта внучка, вся окровавленная! Ей было где-то лет 5-6. Стучится в дверь Я открываю – она плачет. Что случилось: «Бабушку расстреляли, она на меня упала, и я под ней осталась живая!» Я маме говорю. Мама говорит: «Пусть зайдет суда!» Мама ее умыла, почистила, другую одежду одела на нее. Накормили мы ее. И потом мы ее отправили в Цыганскую слободку. Выше улицы Крылова была Цыганская слободка. Как сейчас на Петровской балке люди живут – раньше там никто не жил. Только цыгане жили до Петровской балки. Раньше была Собачья балка, потом Петровская балка – туда весь город мусор вываливал. Это была мусорная свалка. А цыгане жили до этой свалки. И вот эту девчонку мы туда проводили. Там остались цыгане, их уже не стали расстреливать. И они ее приняли. Это при моих глазах было. Может, она сейчас где-нибудь живая – я не знаю.

Вопрос: Вы рассказали о том, как набирали добровольцев. Вы сами эту сцену наблюдали?

Ответ: Конечно! Это при нас происходило, когда мы приходили туда с питанием и искать своих родственников. Эти накрытые столы были, и радио объявляло на всех языках: «Выходите, Германия вам прощает. Умойтесь, побрейтесь, покушайте».

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Ответ: Когда нас погрузили в вагоны – это была в два часа ночи 18 мая. Потом закрыли вагон на 120 человек. И нас везли 18 суток. По дороге, когда мы ехали, у нас в вагоне умерли два старика и один ребенок. На полустанках мы их заворачивали в белые простыни или белые халаты, если не было простыни. И на полустанках оставляли этих мертвецов и так уезжали. Нам давали на двоих одну таранку, и по три-четыре дня не давали воды. Наверху, через каждый вагон, был охранник с винтовкой. А тогда у солдат были обмотки – сапог не было. И у одного обмотка развязалась и нам в окно попала! Мы поймали эту обмотку и говорим: «Идиот, если ты нам воду не дашь на следующей остановке, то мы дернем - и ты слетишь с этой крыши!» Он просил: «Ребята, не трогайте, я скажу командиру! Дадут вам воду!» И мы эту обмотку держали до следующей остановки – он над окном там стоял и не мог уйти. Когда остановились – нам два ведра воды дали! Вот так они издевались над нашим народом. И когда нас туда привезли после 18 суток, нас выгрузили в Шерихане. Вышли узбеки в белых кальсонах, в белых рубашках, с винтовками. Говорили, что мы – изменники Родины, мы – смертники, у нас на лбу глаз один. Их там так оповещали.

Вопрос: Они Вам это говорили?

Ответ: Да. Нас разгружали. Потом отвезли в баню. После бани нас погрузили на арбы с большими колесами и повезли в колхозы. Привезли в колхоз. Положили ...от риса была полова, а потом сверху накинули мешковину – и мы на этой мешковине спали. Через стены видны были улицы. Через потолок (потолки были из камыша) было видно небо. Вот в таких помещениях нас приняли в Узбекистане. Потом нас начали гнать на хлопковые поля. Мы же не видели этот хлопок никогда в жизни! Начали мы ходить. Оказывается, там, где по три-четыре растут, там надо было отрывать, оставлять одну. А мы не знали!

Вопрос: Это три-четыре коробочки?

Ответ: Не коробочки! Они только вырастают ростки! Ростки надо было оторвать, чтоб одна осталась. А я весь ряд оторвал! Меня нагайкой пришел бригадир отлупил: «Что ты натворил?» Я говорю: «Я ж не знал. Мне сказали сделать прополку – я вес ряд прополол, оторвал». Я думал, это траву надо порвать. Оказывается, это хлопок был! Я не знал этого.

Вопрос: Вы жили там под охраной?

Ответ: Мы каждые 10 дней ходили на роспись к коменданту, что мы здесь, что мы никуда не уехали. Вот, например, если в городе Симферополе находимся, мы не имели права выехать в сторону Лозового или на 11-ый километр. Мы не имели права.

Вопрос: А когда Вы оказались в Симферополе?

Ответ: Нет, я говорю, как если бы мы жили в Симферополе, на какое место нельзя уехать.

Вопрос: А на самом деле, Вы где были?

Ответ: В Шерихане. Это Узбекистан, Андижанская область, районный центр Шерихан, колхоз «Сталино». В этой области не было экономистов. А моя сестра здесь работала замначальника планового отдела Крымской ССР. По списку посмотрели. Ее как ученого человека взяли в область. И после пяти месяцев она нас забрала с колхоза. Мы переехали в город Андижан. Она работала в облисполкоме плановиком и нас кормила. Ей давали кило двести хлеба, а я получал 400 граммов хлеба, а мама получала 700 граммов хлеба. Как иждивенцы, мы по карточкам получали хлеб! Ходили

специально за хлебом. У меня даже метрика есть, со всеми печатями. Когда мы получали, нам специально выписывали метрику. The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been edited for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Кило двести она получала как специалист?

Ответ: Кило двести давали ей как служащему. Этот хлеб тоже был из курмака – это сорняк, который в рисе растет. Это часов в 11-12 только давали. А так чтоб пойти купить хлеб – он стоил 400-500 рублей буханка. Пол-литра масла стоило полторы тысячи. Кусок мыла стоил 50 рублей. Это в Советское время.

Вопрос: А когда кончилась Ваша ссылка, когда Вы вернулись?

Ответ: 28 апреля 1956 года мы были сняты со спецпоселения. У меня есть документы, которые я взял с Управления внутренних дел, с архива. Там написано, что мы высланы по приказу Генсека. 11 мая 1944 года был подписан этот приказ. Генсек – это великий вождь народов Иосиф Сталин. Джугашвили. За это у нас один старик получил 10 лет. Когда у него спросили: «Кто вас выслал?» Он сказал: «Один усатый грузин!» За этого «усатого грузина» ему дали 10 лет. Он в Воркуте отсидел 10 лет от звонка до звонка. Он в 1956 году только освобожден.

Вопрос: Я хочу Вас поблагодарить за Ваш рассказ.

Ответ: Я очень сожалею за умерших наших соседей и всю нацию еврейскую, караимскую, цыганскую. Пусть простят меня эти покойники. Я очень сожалею, что мы потеряли таких хороших соседей. Мы очень дружно жили! Папа, если приходил с рынка, он всегда детям раздавал фрукты, печенье, конфеты. Во дворе у нас очень дружная семья была, мы очень дружно жили!

Вопрос: А за что Вы просите прощенья?

Ответ: Потому что я столько горя рассказал, которое видел. Мне же больно за моих соседей, друзей, которых я потерял.

Вопрос: Я прошу извинения за то, что растревожили Ваши воспоминания.

Ответ: Я еще не досказал Вам. Один брат у меня был в Освенциме, в Бухенвальде. Он, когда вернулся оттуда, боялся приехать к нам в Узбекистан. Он остался в Грузии, потом оттуда поехал в Подмосковье. Он рассказывал нам (мы к нему ездили в Грузию): «Вагонетку толкаешь, упадешь – и тебя на эту вагонетку». В крематорий толкали мертвецов, которые умерли в этом лагере. Очень много было евреев, много военнопленных. Вот он толкал эту вагонетку. Там его один поляк спас: положил его с мертвецами, бирку с мертвеца притулил ему на ноги. И вот он очень жалел, что вернулся в Союз.